

ЭКОНОМИКА

УДК 330

Г. А. Родина

Актуальна ли сегодня политическая экономия?

Современная эпоха – начало системного кризиса мировой экономики. Перед наукой стоит сложная задача поиска достойного ответа на этот вызов. Востребованность сущностного подхода актуализирует значение политической экономии. Однако является ли она единственной претенденткой на роль теоретико-методологической конструкции, способной одарить мир рецептом преодоления современного кризиса? Ответу на этот вопрос и посвящена статья.

Ключевые слова: мировая экономика, политическая экономия, экономический кризис, мир-системный подход, институционализм.

G. A. Rodina

Is Political Economy Urgent Today?

The modern epoch is the beginning of the system crisis of the world economy. There is a challenge for science to find out a worthy answer to it. The demand for the essential approach makes the meaning of the political economy urgent. Is it the unique pretender to the role of the theoretical and methodological construction which is capable to present the world the recipe of overcoming of the modern crisis? The given article is devoted to answer this question.

Keywords: world economic, political economy, an economic crisis, the world-system approach, institutionalism.

Современная эпоха – начало системного кризиса мировой экономики, вернее, либеральной модели мирового хозяйства. Мировая экономика вступает в своеобразный «переходный период». Перед наукой стоит гораздо более сложная задача, нежели «вытягивание» экономики из очередного циклического кризиса, – нужно нащупать то ключевое звено, потянув за которое, можно вытянуть всю цепь. Речь идет ни много ни мало о поиске новой, инновационной, модели мироустройства.

В такие переломные моменты (точки бифуркации) оказывается принципиально невозможным предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие, станет ли система хаотической или благодаря реформам перейдет на более высокий уровень упорядоченности. Эти реформы могут носить чисто технический характер – некое «изобретение приемов». Но есть новизна другого уровня – когда эти приемы рожают новые смыслы, выводят общество в новые плоскости развития.

Это еще предстоит осмыслить. *Востребованность эндотерического*, то есть сущностного,

субстанциионного, *подхода актуализирует значение политической экономии*, которая стремится выявить всесторонне взаимосвязанные глубинные основы экономической жизни. *Политэкономия как наука* изучает систему общественно-производственных отношений, то есть отношений между людьми, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, а также экономические законы функционирования и развития исторически определенных общественно-экономических формаций. Политическая экономия ставит себе в заслугу выделение из разных областей общественной жизни области экономической как основной, а в ней – отношений в сфере производства как основных («примат производства»). Вкрапление в экономический анализ изучения технической стороны производства, правовых и иных надстроечных институтов и психологических факторов неприемлемо.

Основной гносеологический принцип марксистской философии о первичности материи и вторичности сознания конкретизирован в нашем исследовании как признание первичности обще-

ственного бытия и вторичности общественного сознания. Общественное бытие выступает как совокупность материальных общественных процессов, существующих независимо от воли и сознания индивида или общества в целом, а общественное сознание является отражением общественного бытия. Из сложной совокупности общественных явлений исторический материализм выделяет материальные отношения на том основании, что люди, прежде чем заниматься наукой, политикой, философией, религией и т. п., должны есть, пить, одеваться, иметь жилище и т. д. Эти материальные отношения составляют вещественную сторону производительных сил, традиционно отождествляемых с техникой.

Развитие последней приводит к усилению общественного характера промышленного производства, поскольку углубление разделения труда на основе индустриальной материально-технической базы превращает изготавливаемый товар в продукт всего общества, предназначенный также практически для всего общества. Общественный характер производства вступает в противоречие с частным капиталистическим присвоением в силу господства частной собственности; в этом и заключается основная причина экономических кризисов. Последние насильственно восстанавливают нарушенные воспроизводственные пропорции и в классическом виде проявляются в перепроизводстве товаров по отношению к возможностям платежеспособного спроса, что резко сужает границы реализации произведенных товаров и вызывает массовые банкротства фирм. Поскольку остроту основного противоречия можно уменьшить лишь временно, до устранения основной причины кризисов, их периодическое повторение закономерно. Роль кризисов сводится к насильственному установлению равновесия в обществе на некоторое время, что дает возможность двигаться дальше, но лишь до следующего кризиса.

Господствующая на сегодняшний день точка зрения относительно мирового финансово-экономического кризиса, поразившего и отечественную экономику, явно недооценивает глубину и природу кризисных явлений, которые ошибочно ассоциируются с традиционным циклическим кризисом.

Однако подобная трактовка вызвала интерес к марксистской политэкономии и среди студентов и среди рядовых граждан. Мы склонны расценивать это внимание как поверхностное, которое

нельзя толковать как ренессанс советской политической экономии.

Да и является ли политэкономия единственной претенденткой на роль теоретико-методологической конструкции, способной одарить мир рецептом преодоления современного кризиса?

Теоретическими разработками этого кризиса, его обоснованием и поиском возможной новой мирохозяйственной модели в течение последних 15 лет активно занимались антиглобалисты (точнее и вернее – альтерглобалисты) и мирсистемщики. Отправной точкой была избрана смена технологического уклада, обремененная двумя тенденциями мировой экономики: глобализацией и социализацией. Узкие рамки либеральной модели глобализации деформируют вторую тенденцию, а поскольку она так же объективна, как и первая, то обостряющееся противоречие все настойчивее требует своего разрешения. Поэтому мировую экономику ожидает целая череда затяжных кризисов. «В настоящее время, – как заявил всемирно известный американский социолог И. Валлерстайн, выступая с докладом на международной конференции “Современное государство и глобальная безопасность” в сентябре 2009 г. в Ярославле, – мы находимся на развилке системных процессов» [2, с. 53]. И нынешний мировой финансовый кризис – это только начало, а главное действие, скорее всего, начнется примерно в 2015 г., когда мировая экономика достигнет нижней точки понижательной волны пятого Кондратьевского цикла (К-цикла). Согласно современным исследованиям К-циклов, с 2000–2007 гг. до, предположительно, 2015–2025 гг. должна разворачиваться понижательная волна пятого цикла, а с 2015–2025 гг. до 2035–2045 гг. – время повышательной волны шестого Кондратьевского цикла [1].

В СССР марксистская политическая экономия считалась единственным научным направлением в экономике. В перестроечной России ее оценка изменилась на противоположную: «учение К. Маркса неверно, потому что ложно» (В. Н. Костюк). Неслучайно новые ГОСы вывели Маркса из экономической теории и для специалиста, и для бакалавриата, сохранив его лишь в истории экономических учений. Современная эпоха нуждается в политической экономии, особенно в методологическом и воспроизводственном ракурсах, однако лишь в виде одной из составных частей целого комплекса наук, расширяющих предметное поле экономического исследова-

дования. Политическая экономия не то чтобы «устарела», но в целом ряде случаев динамика развития современной цивилизации требует более целостного понимания предмета экономики, включающего новые перспективные подходы, особенно на стыках научных дисциплин и теоретических ориентаций.

Это связано с глубинным изменением экономической ткани общества. Политическая экономия – наука индустриального общества, с его приматом массового промышленного производства, материальной сферы, пространственной экспансии. Постиндустриальное общество меняет соотношение между материальным и нематериальным, реальным и виртуальным, пространством и временем, производством и обменом. Неосознанные блага начинают управлять миром машин – миром реальности. Политическая экономия в ее традиционном варианте нуждается в определенных дополнениях. На вопрос о том, *готова ли политическая экономия в одиночку ответить на вызовы мирового финансового кризиса, переросшего в экономический*, мы даем *отрицательный ответ*.

Терминология «вызовы – ответы» была введена А. Тойнби для анализа особенностей развития стран и регионов в русле цивилизационного подхода. Если на исторические вызовы даются неверные ответы, то народы могут исчезнуть с исторической арены навсегда, если верные – они двигаются вперед. С легкой руки известного историка-культуролога данный понятийный тандем стал активно использоваться исследователями-обществоведами, особенно с XXI века. Причина, видимо, в том, что сегодня любая социальная проблема имеет некий «культурологический привкус», так что, перефразируя давнее высказывание М. Фридмана относительно популярности кейнсианства, можно сказать: сегодня мы все: экономисты, философы, филологи, историки, социологи, географы, правоведаы и т. п., – немножко культурологи.

Традиционная политэкономическая трактовка (в соответствии с которой культура народа складывается и функционирует в зависимости, прежде всего, от экономических и политических обстоятельств) переживает парадигмальный поворот, который в математической формулировке будет выглядеть так: от формулы $K = f(\text{Э}, \text{П})$ мы переходим к формуле $\text{ЭП} = f(K)$ (где K – культура; Э – экономика; П – политика; f – функция, указывающая на характер взаимозависимости обозначенных величин). Культура, раз сформи-

ровавшись, начинает выступать как относительно независимая переменная среди факторов социальной жизни. Эталоном оценок тех или иных ценностей являются, с одной стороны, социальный опыт, а с другой, видимо, архетипы данной культуры, сформировавшиеся в период выживания этноса, народа, рода и т. д. Ныне системе архетипов можно охарактеризовать как иммунную систему, защитный слой конкретной культуры, сохраняющий ее самобытность, определяющую национальную идентичность [3, с. 54–55].

Культурологические идеалы западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. Огромное влияние на их содержание оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего протестантской и католической его ветвей. Специфика же восточных норм и традиций коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, сформировавшихся под воздействием ценностей арабско-мусульманской, конфуцианской и индобруддийской культур.

Эти ценности весьма устойчивы, и даже перестройка политических институтов по образцам одного типа культуры порой не может поколебать устойчивость отдельных ценностей прежней культуры. К примеру, в Индии, где в наследство от колониального владычества Великобритании страна получила достаточно развитую партийную систему, парламентские институты и проч., по-прежнему доминируют архетипы восточного менталитета. Таким образом, на выборах главную роль играют не партийные программы, а мнения деревенских старост, князей (глав аристократических родов), руководителей религиозных общин и т. д. С другой стороны, повышенный интерес к религиям и образу жизни на Востоке в ряде западноевропейских стран никак не сказался на изменении параметров западной политической культуры.

Социокультурные основания сегодняшней России *коммунитарны* (ценности восходят к общинному коллективизму и обуславливают приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, а в конечном счете, – доминирование государства в регулировании общественной жизни над механизмами самоорганизации общества). Отчасти

это обусловлено советским прошлым, когда в ходе противостояния капиталистическому Западу СССР апеллировал к «пробуждающемуся» от колониального гнета и традиций азиатского феодализма Востоку и все более проникался идеями и принципами восточных культур, господствовавшими в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, Поволжья, регионов Урала, Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Перспективы выхода из кризиса в плоскость дальнейшего инновационного развития такого общества весьма проблематичны, но не безнадежны. Усвоение постиндустриальных социальных ценностей и институтов в немалой степени зависит от уровня образованности населения, что считается косвенным признаком инновационного типа экономического роста. Отечественный образовательный уровень выглядит весьма оптимистично: Россия входит в двадцатку самых «студенческих» стран. Однако *формальный* уровень образованности перекрывается *общинной ментальностью* и ярко выраженными аграрными наклонностями городских жителей России. Поэтому, несмотря на высокий адаптационный потенциал формально образованного населения, институты постиндустриальной экономики им воспринимаются как чужеродные, из чего следует вывод о *некомплементарности качества образования переходу России к инновационному обществу XXI века*.

Таким образом, насущнейшей задачей реформирования российского государства и общества становятся не сами по себе технико-технологические достижения, а связанное с ними усвоение соответствующих социальных ценностей и институтов. Только мощное развитие национально-исторического самосознания на основе усиления процессов выработки и обращения всех видов социально значимой информации способно обеспечить радикальные изменения в ядре нашей культуры без опустошительных последствий, необходимые для «запуска» механизмов инновационного переустройства общества.

Как следует из проведенного анализа, рецепты с позиций политической экономии совершенно иные – лишь на основе массового обновления капитала.

Как самые перспективные мы расцениваем исследования, проводимые в русле «метаморфозы» соотношения «экономическое – духовное» в «духовное – экономическое».

Этот путь проторили Э. Бернштейн, М. Вебер, С. Булгаков, В. Зомбарт и другие представители немецких исторических школ, а позднее – институционализма. Мир экономического бытия было предложено трактовать в качестве многофакторного образования, где наравне с экономической составляющей действуют психологические, социальные, аксиологические, трансцендентные, институциональные факторы. В итоге мы попадаем в пограничную область между политической экономией, экономической теорией, историей, правом, социологией, культурологией, философией.

Наиболее приближены к этой синтезированной предметной области современные разновидности институционально-социологического направления – неоинституционализм Р. Коуза, Д. Норта и новая политическая экономия (!) Дж. Бьюкенена, Г. Таллока.

Таким образом, *политическая экономия в современную эпоху актуальна, но лишь как составная часть целого комплекса наук, расширяющих предметное поле экономического исследования*.

Библиографический список

1. Айвазов, А. Николай Кондратьев как зеркало кризиса [Электронный ресурс] / А. Айвазов, А. Кобяков. – Режим доступа : <http://www.aif.ru/money>
2. Валлерстайн, И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя [Текст] / И. Валлерстайн // Эксперт. – 2009. – № 35.
3. Песков, Д. Н. Интернет-пространство: состояние премодерна? [Текст] / Д. Н. Песков // Полис. – 2003. – № 5.